

История Пермской губернии XVIII–XIX вв. может служить иллюстрацией того, что религиозный фактор в процессе модернизации не потерял своих позиций. Религиозная терпимость уральских обывателей свидетельствовала о возможности толерантного отношения к приверженцам иных верований. Еще Блаженный Августин в IV в. говорил: ... «вчера», «сегодня», «завтра». Есть настоящее прошедшего, настоящее настоящего и настоящего будущего, и интерес нашего настоящего обуславливает наш интерес к прошедшему, потому что мы думаем о будущем»¹⁶.

Примечания

- ¹ Отечественная история, 2007. № 5. С. 16.
- ² Там же. С. 7.
- ³ Харитонов Е.Д. Духовно-нравственное воспитание в учебных заведениях Перми до 1917. Вехи христианской истории Прикамья. Материалы чтений, посвященных 540-летию крещения Перми Великой. Пермь, 2003. С. 57.
- ⁴ Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 2. М., 1992. С. 375.
- ⁵ Мангилева А.В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX века. Екатеринбург, 1998. С. 70.
- ⁶ Манькова И.Л. Храм в сердце и памяти. Екатеринбург, 2000. С. 51.
- ⁷ Там же. С. 52.
- ⁸ Мангилева А.В. Указ. соч. С. 190.
- ⁹ Корепанов Н.С. Город Екатеринбург. Выпуск 22. Екатеринбург, 2003. С. 16.
- ¹⁰ ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 1203. Л. 616.
- ¹¹ Корепанов Н.С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург, 2005. С. 95.
- ¹² Злоказов Л.Д., Семенов В.Б. Старый Екатеринбург. С. 297.
- ¹³ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2. Л. 171.
- ¹⁴ Миненко Н.А., Апракимова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизни уральского города в XVIII – начале XX века. М., 2006. С. 270.
- ¹⁵ www.pravoslavie.ru
- ¹⁶ Отечественная история, 2007. № 5. С. 6.

*С.В. Любичанковский
(Екатеринбург)*

Конфессиональная проблематика в деятельности губернских правлений Урала позднимперского периода (конец XIX – начало XX вв.)*

Организация нормальной деятельности религиозных организаций лежала в позднимперской России не только на плечах руководящих церковных органов, но и входила в сферу ответственности губернской администрации, в том числе «высшего в губернии» присутственного места – губернского правления.

*Работа выполнена при поддержке гранта Президента Российской Федерации МК-200.2007.6

Анализ документов позволяет сделать вывод о том, что решение данных вопросов было во многом формальным. В абсолютном большинстве случаев утверждался вариант, предложенный соответствующей организацией – Синодом, духовной консисторией, магометанским духовным собранием, старообрядческими и иудейскими общинами. Однако существовали различия в процедуре: если в случае с Синодом и Консисторией речь шла о простом уведомлении правления о свершившемся факте, то в случае с магометанским собранием – уже о необходимости сделать распоряжение о приведении его постановления в исполнение, а в двух последних случаях – о проверке всех обстоятельств дела через полицию, согласно ст. 28 закона 17 октября 1906 г. Такая дифференциация была связана с государственным статусом Русской Православной Церкви, а также привилегированным положением традиционных для России религий вообще, по сравнению с иудаизмом, баптизмом и т. д.

Важно отметить, что государственные структуры стояли на страже прав губернских правлений в сфере кадровых вопросов религиозных организаций. Так, в 1900 г. МВД в специальном циркуляре на имя Оренбургского магометанского духовного собрания (оно отвечало за мусульман на всей территории Урала) отметило, что данная организация разрешала вопросы о привлечении исламских духовных лиц к ответственности за должностные преступления своими постановлениями, сообщая их затем губернским правлениям «на дальнейшее распоряжение». Эта практика министерством была признана незаконной. Указывалось, что «возбуждение преследования и предание суду по преступлениям должности зависит от начальства, определяющего их к должности, каковым, по отношению к магометанским духовным лицам, является губернское правление»¹.

Губернские правления и сами предпринимали действия по охране своих властных полномочий. Так, в 1894 г. Вятское губернское правление сделало строгий выговор Нолинскому уездному исправнику за то, что его подчиненные изъяли из местной старообрядческой молельни, открытой незаконно, богослужебные книги и иконы. В постановлении губернского правления подчеркивалось, что такие действия полиции «равносильны воспреещению совершать... богомоления», а решение таких вопросов относится целиком к компетенции губернского правления².

Формализм решения сочетался с использованием чиновниками губернских правлений служебного положения в корыстных целях. Так, приговором общества прихожан соборной мечети села Мухаметкулуева от 12 июля 1902 г. на должность имама был избран М. Курбангадиев. Ходатайство об утверждении его в этой должности правлением постановлением от 7 мая 1904 г. было отклонено.

Между тем в том же 1904 г. М. Курбангалиевым был получен указ от 28 июня 1904 г., за подписью советника второго отделения Оренбургского губернского правления Н.В. Смирницкого и делопроизводителя С.П. Яшников, выданный согласно постановлению Губернского Правления от 10 июня 1904 г., которым М. Курбангалиев утверждался в должности имама. Заподозрив подлог, часть прихожан через своего доверенного Кучукова обжаловала последнее постановление этого государственного учреждения в Сенате. Дело длилось около 10 лет! Следствие установило, что перед получением приказа о назначении имамом М. Курбангалиев получил из Оренбурга письмо с приглашением явиться для переговоров с лицом, которое, «заведую делопроизводством, может устроить все». В итоге фальсификаторы были разоблачены, а С.П. Яшников (и только он!) предан суду за служебный подлог. Это был тот редкий случай, когда Оренбургскому губернскому правлению не удалось полностью «выгородить», защитить своего служащего. Надворного советника Н.В. Смирницкого же удалось отстоять, хотя без наличия его подписи на фальшивом указе изготовление последнего теряло всякий смысл. «Наивное» следствие удовлетворилось его объяснением, что так как на указе уже имелась подпись делопроизводителя, он «считал себя гарантированным от какой-либо неправильности, а не доверять С.П. Яшникову не имел никаких оснований»³. Но в том-то и заключались его обязанности, чтобы контролировать деятельность подчиненных!

Защита интересов традиционных религий Российской империи во главе с Русской Православной Церковью выражалась, в первую очередь, в борьбе с сектами. Эта проблема обострилась в годы первой русской революции. Секты, пользуясь положениями законов 17 апреля 1905 г. и 17 октября 1906 г., стали проводить политику хищного прозелитизма, опираясь на неграмотность крестьян и проистекающую отсюда неустойчивость в вопросах веры. Особенно отрицательно с этой точки зрения зарекомендовали себя баптисты, адвентисты и иеговисты, которые организовывали тайные проповеди и раздавали специальную литературу⁴. Положение было настолько серьезным, что ректор Оренбургской духовной семинарии протоиерей И.П. Кречетович вынужден был написать специальную статью, напечатанную в 1912 г. в центральной газете «Московские ведомости»⁵, где описал действия иеговистов в губернском городе: они разбрасывали свои брошюры по линии железной дороги, а вскоре так осмелели, что начали рассылать их почтой с указанием адреса, где можно получить дополнительную литературу. В брошюрах не просто велась пропаганда учения секты, но и резко критиковалось православие⁶, что само по себе представляло состав преступления. Оренбургское губернское правление постаралось дело заметить.

В указанный период подобным образом проявили себя и мусульманские сектанты. Так, члены «Ваисовского Божьего полка» призывали не повиноваться властям, не признавать назначенных ими мулл, не платить налоги и не нести воинскую повинность, за что были привлечены к уголовной ответственности⁷. Заметим, что действенные меры Оренбургское губернское правление предприняло именно в последнем случае, когда речь шла не столько о положении привилегированных религий, сколько об интересах власти. Эта тенденция была уже прослежена выше, на других примерах. В таких делах интересующее нас учреждение не «церемонилось»: например, при появлении необоснованного (впоследствии не подтвердилось) подозрения относительно В. Календера в его причастности к снонистам и «Бунду» этого раввина тут же отстранили от должности⁸.

Изучение архивных материалов приводит к выводу, что губернские правления Урала в своей работе действительно руководствовались принципом веротерпимости. Особенно ярко это проявлялось при разрешении дел о так называемых «вероисповедных переходах»⁹. Так, Оренбургское губернское правление разрешило в 1911 г. двадцати казакам Орского уезда принять ислам, так как их предки – нагайбаки – были мусульманами, а сами они только внешне исполняли православные обряды, детей воспитывали мусульманами. Департамент духовных дел МВД, с подачи Синода, не вникая в суть дела, приказал отменить данное решение, аргументируя, что все эти лица до 1905 г. «были у исповеди и Святого Причастия». Отменяя свое решение, правление вынужденно было напомнить центру, что до указа 17 апреля 1905 г. о веротерпимости открытых переходов из православия в нехристианское вероисповедание не было только потому, что тогда за это грозили судебным преследованием¹⁰. В этом случае формалистами выступили именно Синод и МВД, а не губернское правление. Аналогичным образом, в 1909 г. Уфимское губернское правление в сообщении министерству указало, что «предки отпавших были обращены из православия много лет тому назад, но, очевидно, настолько поверхностно..., что последующие поколения их явились... тайными... последователями ислама»¹¹.

Однако в целом решение дела всегда зависело от того, кто первый его возбudit – перед губернским правлением, МВД и т.д. Пожаловались правлению первыми жители деревни Левашевой на то, что их имам совершает обряды в чужом приходе, и оно наказывает имама¹²; успел пожаловаться в МВД первым этот имам, и министерство заступает за него¹³; дело о незаконном собрании мулл правление закрывает после первого же их письменного объяснения, без проверки его правдивости¹⁴. В 1914 г. Уфимское губернское правление отказало в переводе черемиса С. Николаева с семьей из православия в язычество только на основании голословных уверений мест-

ной духовной консистории в том, что причинами, побудившими просителей возбудить ходатайство, было не «убеждение в превосходстве язычества над христианством», а «поборы и настоячивые требования платы за требоисправления и на нужды церкви»¹⁵. Документы свидетельствуют, что эти уверения не соответствовали действительности, но проверить их губернское правление не сочло нужным. Эти примеры можно продолжать. Они свидетельствуют, что на этом участке своей деятельности в губернских правлениях региона царили неприкрытый формализм и создание лишь видимости большого размаха работы.

Таким образом, в практической деятельности губернских правлений Урала в поздней имперской России видное место занимала конфессиональная проблематика. Руководство решением дел подобного рода осуществляли исключительно христиане, в основном, православные¹⁶. Возможно, что именно такая однородность, отсутствие среди руководящего состава ситуации поликонфессионализма была одной из причин развитого в этой сфере деятельности губернских правлений региона формализма, который не позволял эффективно решать поставленные перед учреждением задачи. Одновременно, важно отметить, что определенный уровень этого формализма в какой-то степени, как это ни парадоксально звучит, способствовал минимизации серьезных конфликтов на почве вероисповедания, поскольку формальное отношение к делу исключало политическую тенденциозность в конфессиональном вопросе.

Примечания

¹ Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 583. Оп. 604. Д. 99. Л. 2–3.

² ГАКО. Ф. 583. Оп. 605. Д. 1783. Л. 40–41 об.

³ Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 11. Оп. 3. Д. 4242. Л. 467–469 об.

⁴ Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИА РБ). Ф. И-9. Оп. 1. Д. 916. Л. 2, 5–6 об., 18; Д. 1283. Л. 1–1 об.; ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1160. Л. 1–2, 7–12; Д. 1204. Л. 1–6 об., 11–11 об.

⁵ Московские ведомости. 1912. № 287 (20 декабря).

⁶ ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1160. Л. 1–8 об.

⁷ ГАОО. Ф. 11. Оп. 3. Д. 4237. Л. 270.

⁸ ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3436. Л. 14–16, 18, 23, 57.

⁹ ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 934, 966, 1089, 1239; Оп. 2. Д. 2917, 2922.

¹⁰ ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 966. Л. 139–141 об.

¹¹ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 831. Л. 14 об.

¹² ГАОО. Ф. 11. Оп. 2. Д. 3440. Л. 8–10, 16.

¹³ Там же. Л. 21 об.

¹⁴ ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 915. Л. 1–8.

¹⁵ ЦГИА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 970. Л. 9–9 об.

¹⁶ Любичанковский С. В. Губернские администрации Урала в 1895–1913 гг.: социокультурный аспект // Вестник Евразии. М., 2006. № 2. С. 75–94.